

DOI: [10.14515/monitoring.2023.2.2371](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2371)

О. В. Синявская, В. А. Козлов, Т. Б. Гудкова

ФИНАНСОВЫЕ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ ТРАНСФЕРТЫ В СЕМЬЯХ ПОЖИЛЫХ РЕСПОНДЕНТОВ В РОССИИ И ЭСТОНИИ: ЕСТЬ ЛИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ?

Правильная ссылка на статью:

Синявская О. В., Козлов В. А., Гудкова Т. Б. Финансовые и инструментальные трансферты в семьях пожилых респондентов в России и Эстонии: есть ли этнокультурные различия? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 186—211. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2371>.

For citation:

Sinyavskaya O. V., Kozlov V. A., Gudkova T. B. (2023) Financial and Instrumental Transfers in the Families of Elderly Respondents in Russia and Estonia: Are There Any Ethnocultural Differences? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 186–211. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2371>. (In Russ.)

Получено: 10.01.2023. Принято к публикации: 16.03.2023.

ФИНАНСОВЫЕ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ ТРАНСФЕРТЫ В СЕМЬЯХ ПОЖИЛЫХ РЕСПОНДЕНТОВ В РОССИИ И ЭСТОНИИ: ЕСТЬ ЛИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ?

FINANCIAL AND INSTRUMENTAL TRANSFERS IN THE FAMILIES OF ELDERLY RESPONDENTS IN RUSSIA AND ESTONIA: ARE THERE ANY ETHNOCULTURAL DIFFERENCES?

СИНЯВСКАЯ Оксана Вячеславовна — кандидат экономических наук, зав. Центром комплексных исследований Института социальной, зам. директора Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: osinyavskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6044-0732>

*Oxana V. SINYAVSKAYA*¹ — *Cand. Sci. (Econ.)*, Director of the Centre for Comprehensive Social Policy Studies, Deputy Director at the Institute for Social Policy
E-MAIL: osinyavskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6044-0732>

КОЗЛОВ Владимир Александрович — кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт изучения Восточной и Юго-Восточной Европы им. Лейбница, Регенсбург, Германия
E-MAIL: kozlov@ios-regensburg.de
<https://orcid.org/0000-0003-1788-1484>

*Vladimir A. KOZLOV*² — *Cand. Sci. (Econ.)*, Research Associate
E-MAIL: kozlov@ios-regensburg.de
<https://orcid.org/0000-0003-1788-1484>

ГУДКОВА Татьяна Борисовна — младший научный сотрудник Центра комплексных исследований социальной политики Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: tbgudkova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2298-1490>

*Tatiana B. GUDKOVA*¹ — *Junior Research Fellow at the Centre for Comprehensive Social Policy Studies, Institute for Social Policy*
E-MAIL: tbgudkova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2298-1490>

¹ HSE University, Moscow, Russia

² Leibniz Institute for East and Southeast European Studies, Regensburg, Germany

Аннотация. В рамках исследования рассматривается обмен как финансовыми (денежные средства или их близкие эквиваленты), так и инструментальными (помощь в уходе или по хозяйству) трансфертами пожилых респондентов с другими членами расширенной семьи, проживающими или не проживающими с ними, а также

Abstract. This paper analyzes the factors of exchanges of both financial (money in-cash or close equivalents) and instrumental transfers between the elderly respondents and other members of their extended families living together with elderly respondents or separately, as well as the determinants of the elderly respondents' care for their grandchildren.

особенности ухода пожилых респондентов за внуками.

Авторы опираются на базу данных международного исследования SHARE, проведенного в России в 2021 г. и регулярно проводимого в Эстонии (анализируется волна 2015 г.), и с использованием бинарной логистической регрессии анализируют факторы получения и передачи трансфертов респондентами 50 лет и старше.

Отталкиваясь от ранее проведенных в других странах исследований и учитывая ограничения данных, авторы работы предполагали увидеть этнические различия в обменах финансовыми ресурсами в большей степени, чем инструментальной поддержкой; в получении денежных трансфертов — больше, чем в их передаче. Результаты проведенного исследования отчасти подтвердили сформулированные в статье гипотезы, выявив слабое и неустойчивое влияние этнической принадлежности на включенность людей старшего возраста в межсемейные обмены. Только при контроле прочих факторов (включая образование и особенно доход), принадлежность к этнической группе, отличной от доминирующей в стране, повышает вероятность участия в обмене (как передаче, так и получении) финансовыми трансфертами, но, за редким исключением, не оказывает значимого влияния на вероятность участия в обмене инструментальными трансфертами и совсем не дифференцирует уход за внуками.

Ключевые слова: финансовые трансферты, инструментальные трансферты, этнокультурные различия, пожилые, выборочные обследования населения

The study bases on the data of the international SHARE study carried out in Russia in 2021 and regularly conducted in Estonia (the 2015 wave is used for this research). It uses binary logistic regression to analyze determinants of participation of respondents aged 50 years old and older in financial and instrumental transfers.

Building on previous studies and given data limitations, the authors of this paper expected to see significant ethnic differences in exchanges of financial resources rather than in instrumental transfers; in receiving financial resources — more than in sending them. The results of the study partially confirmed the hypotheses, revealing a weak and unstable influence of ethnicity on the involvement of older people in extended family exchanges. Only when other differences are adjusted (including education and particularly income), ethnicity other than the largest ethnic group in the country increases the chances of participating in the exchange (both sending and receiving) of financial transfers but has a weaker effect on the chances of participating in the exchange of instrumental transfers. The study shows no significant effect of ethnicity on taking care of grandchildren.

Keywords: financial transfers, instrumental transfers, ethno-cultural differences, elderly, population surveys

Благодарность. Исследование выполнено под эгидой программы «ERA.Net RUS plus» (грант RUS_ST2019-423—LifeTraR), О. Синявская и Т. Гудкова благодарят за финансовую поддержку научный проект РФФИ № 20-511-76006.

Acknowledgments. The study was performed under the “ERA.Net RUS plus” program (RUS_ST2019-423—LifeTraR). O. Sinyavskaya and T. Gudkova acknowledge RFBR, project number 20-511-76006 for the funding.

Введение

Статья посвящена функциональной межпоколенной солидарности в семьях пожилых людей в России и в Эстонии. В фокусе нашего внимания находятся вопросы оценки включенности пожилых (50 лет и старше) людей в обмен как финансовыми (денежные средства или их близкие эквиваленты), так и инструментальными (помощь в уходе или по хозяйству) трансфертами с другими членами семьи, проживающими вместе с ними или отдельно.

Исследования частных трансфертов, происходящих между членами расширенной семьи (внутри или между домохозяйствами), — в основном в свете оценки их влияния на благосостояние домохозяйств и важности данного канала перераспределения денежных средств между поколениями по сравнению с общественными трансфертами и институционально оказанными услугами, — активно развиваются с 1980-х годов [Cox, Raines, 1985; Lampman, Smeeding, 1983] в рамках различных дисциплин — экономики, социологии, демографии. Важную роль в развитии методологии и стандартизации методов исследований сыграл проект «National transfer accounts», хотя и до его официального начала делались попытки оценить и сравнить внутри- и межсемейные финансовые и натуральные обмены [Kotlikoff, 1988; Kotlikoff, Summers, 1981; Arrondel, Masson, 2001; 2006]. В отличие от западных стран, на постсоветском пространстве работ на эту тему намного меньше. В России оценки межсемейного обмена в системе поддержки благосостояния пожилых проводились в исследованиях, базировавшихся на базе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ¹ [Миронова, 2014; Прокофьева, Миронова, 2015] и РидМиж² [Гладникова, 2007].

Стоит отметить, что до недавнего времени исследования трансфертов оставляли в стороне вопрос об их этнокультурной обусловленности: в США эмпирические исследования расовых и этнических различий в межпоколенных обменах дают противоречивые результаты [Berry, 2006; Lee, Aytac, 1998; McKernan et al., 2014; Wong, Kitayama, Soldo, 1999], в Европе, как отмечают Альбертини с соавторами, все еще существует дефицит исследований, сопоставляющих модели межпоколенной поддержки среди иммигрантов и коренного населения и учитывающих возможные различия в культурно обусловленных представлениях о социальной солидарности поколений и/или в наборах возможностей и ограничений мигрантов и местного населения [Albertini, Mantovani, Gasperoni, 2019]. И единицы [Kiilo, Kasearu, Kutsar, 2016; Vogel, Sommer, 2013] количественных исследова-

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья НИУ ВШЭ. См.: <https://www.hse.ru/rims>.

² Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе — российское обследование в рамках международной программы «Поколения и гендер». См.: <http://sophist.hse.ru/db/oprosy.shtml?ts=84&en=0>.

ний по постсоветскому пространству, сравнивающих межпоколенные отношения различных этнических групп или мигрантов с местным населением.

Именно поэтому наша работа, с одной стороны, направлена на верификацию результатов предыдущих исследований о важности межсемейного обмена для пожилых респондентов (которые выступают как получателями, так и донорами трансфертов), а с другой — носит во многом разведывательный в вопросах этнокультурных различий характер. Для сравнения были выбраны две страны с общим историческим прошлым, но различными траекториями развития в течение последних 30 лет — Россия и Эстония. Выбор был обусловлен, с одной стороны, достаточно большим представительством русскоязычного населения в Эстонии, а с другой — более индивидуалистической, протестантской культурой эстонского населения. Ключевой вопрос исследования: в какой степени этническая принадлежность объясняет различия в участии пожилого населения в межпоколенных обменах (или обменах в рамках расширенной семьи)?

Представленные в статье оценки получены на основе данных международного исследования SHARE³, проведенного в России в 2021 г.⁴ и в Эстонии в 2015 г. Выбор волны в Эстонии был обусловлен стремлением обеспечить максимальную сопоставимость в вопросах о трансфертах.

Опишем структуру статьи. В следующем разделе представлен обзор исследований, изучающих проблематику межпоколенных трансфертов в семьях различных этнических групп населения, на основе которого формулируются ключевые гипотезы исследования. Далее описываются данные и методология нашего исследования. Затем — рассматриваются полученные результаты. Завершает статью обсуждение результатов, ограничений исследования и возможных направлений дальнейшей работы.

Обзор предыдущих исследований

Межпоколенные обмены, особенно между пожилыми родителями и их взрослыми детьми, происходящие как в форме передачи финансовых ресурсов или активов, так и в виде предоставления времени (услуг), активно изучаются экономистами, социологами, демографами и социальными геронтологами на протяжении практически полувека. При этом они лучше эмпирически исследованы, чем теоретически фундированы. В экономике частные трансферты чаще всего изучаются в рамках теоретических концепций новой домашней (семейной) экономики (new home/family economics), основы которой были заложены Г. Беккером [Becker, 1974; Pollak, 2003]. В социологии долгие годы доминировала концепция солидарности, разрабатываемая В. Бенгтсоном с коллегами [Bengtson, Roberts, 1991; Silverstein, Bengtson, 1997] и опирающаяся на концепцию механической солидарности Э. Дюркгейма и социально-психологические теории обмена Дж. Хомманса и Дж. Дюда [Bengtson, Roberts, 1991; Hammarström, 2005]. Ее дополнение концепциями конфликтов [Giarrusso et al., 2005] и амбивалентности [Bengtson et al., 2002; Lüscher, Pillemer, 1998], как и попытки рассмотреть

³ Survey on Health, Ageing and Retirement in Europe. См.: <https://share-eric.eu>.

⁴ В России оно носит название «Национальное исследование старшего поколения», далее в тексте — НИСП или российский SHARE. См.: <http://sophist.hse.ru/db/survey02.shtml>.

концепцию на основе альтернативных теоретических оснований [Hammarström, 2005], в большей степени затрагивает вопросы эмоциональной близости и разделяемых семейных ценностей, нежели обмена ресурсами.

Многочисленные исследования говорят о том, что частные межпоколенные обмены ресурсами являются преимущественно нисходящими, то есть направленными от старшего поколения к младшим. Ситуации, в которых старшее поколение получает от младших больше, чем передает, часто связаны с неблагоприятным статусом пожилого человека — его низкой социальной позицией, бедностью или плохим состоянием здоровья [Gierveld, Dykstra, Schenk, 2012; Litwin, 2004].

Экономисты объясняют такое направление трансфертов с помощью теоретической концепции альтруизма, согласно которой полезность родителей включает в себя полезность детей и, соответственно, рост благополучия детей при прочих равных увеличивает благополучие родителей [Becker, 1974]. Социологи ставят во главу угла центральность роли родительства в жизни человека, влияющую на его субъективное благополучие [Gierveld, Dykstra, Schenk, 2012], а также объясняют преимущественно нисходящий вектор трансфертов близкими к экономическому альтруизму концепциями любви и эмоциональной близости либо влиянием нормативных представлений об обязательствах между поколениями [ibid.; Isengard, König, Szydlik, 2018].

Альтернативные объяснения в экономике представлены моделями обмена [Kohli, Kunemund, 2003] или страхования, согласно которым помощь от пожилых взрослым детям передается в обмен на ожидания ответной поддержки — возможно, отложенной во времени, когда она потребуется родителям [Гладникова, 2009], в социологии аналогом этого выступает концепция взаимности, или реципрокности [Isengard, König, Szydlik, 2018], которая в российском дискурсе, в интерпретации С. Барсуковой и Е. Гладниковой, имеет несколько иной смысл: под ней понимаются нерыночные обмены между домохозяйствами с целью совместного выживания [Гладникова, 2009].

Эмпирические экономические исследования относительно чаще подтверждают модель альтруизма в межпоколенных обменах [там же; McKernan et al., 2014; Wolff, Spilerman, Attias-Donfut, 2007]. Тем не менее в исследовании К. Аттас-Донфут и ее соавторов [Attias-Donfut, Ogg, Wolff, 2005], проведенном на данных SHARE 2004 г. по десяти европейским странам, показано, что денежные трансферты в основном поступают от старшего к младшему поколению, в то время как инструментальные трансферты направлены как старшему, так и младшему поколениям, что может косвенно подтверждать не только модель альтруизма, но и модель обмена. Отметим, что для проверки мотивов участия в межпоколенных обменах важно знать ситуацию у обеих сторон обмена — донора и реципиента, а также располагать информацией об установках участников трансфертов в отношении межпоколенных обязательств. Поскольку ни та, ни другая информация в нашем исследовании недоступна, вопрос объяснения мотивов участия людей старшего возраста в межпоколенных трансфертах останется за рамками работы.

Понимание того, что социальные нормы в отношении межпоколенной солидарности и обязательств разных поколений друг перед другом могут быть этнически и культурно обусловленными, около 20—25 лет назад привело к появлению ис-

следовательского интереса к различиям фактических обменов между поколениями у представителей разных этнических групп. Больше число исследований этнических и культурных различий в межпоколенной солидарности и трансфертах выполнено на американских данных и фокусируется на отличиях в интенсивности и объемах финансовых и инструментальных трансфертов между белыми американцами, латиноамериканцами и афроамериканцами [Berry, 2006; Lee, Aytac, 1998; McKernan et al., 2014; Wong, Kitayama, Soldo, 1999]. При этом невозможно сделать однозначный вывод о важности собственно культурных различий при контроле на социально-экономические характеристики: некоторые исследования говорят, что расовые/этнические отличия (в основе которых, по-видимому, разные представления о межпоколенной солидарности) объясняют значительную часть наблюдаемых различий в межпоколенных трансфертах [Lee, Aytac, 1998; McKernan et al., 2014]. Другие приходят к выводу, что большая часть наблюдаемых различий объясняется структурным неравенством в образовании, материально-имущественном положении, здоровье и структуре семей [Berry, 2006].

Европейские и израильские исследования этнокультурных различий в межпоколенных отношениях тесно связаны с проблематикой международной миграции. На израильских данных показано, что этнически обусловленные культурные нормы в отношении межпоколенной солидарности могут влиять на интенсивность и направление межпоколенных трансфертов постоянных мигрантов даже при контроле на состояние здоровья, материально-имущественную обеспеченность и социально-демографические характеристики пожилого человека [Litwin, 2004]. Результаты европейских исследований межсемейных трансфертов у транснациональных мигрантов в сравнении с местным населением противоречивы и не позволяют в чистом виде выделить роль этнокультурных различий без учета других сопутствующих миграции факторов (например, расстояние между членами расширенной семьи, возможность мобильности, продолжительность проживания в принимающей стране и др.) [Ваукара-Krumme, Fokkema, 2019; Karpinska, Dykstra, 2019]. Кроме того, мигранты в западных странах из стран Азии, Африки или Ближнего Востока часто имеют большую культурную дистанцию с местным населением и географически сильнее разделены, чем мигранты или представители этнических меньшинств на постсоветском пространстве. Например, исследование межпоколенных финансовых трансфертов в семьях этнических немцев и мигрантов из СССР в Германии выявило, что значимое влияние оказывает проживание пожилых родителей за границей, тогда как мигранты, чьи родители живут в Германии, независимо от расстояния между ними внутри страны, демонстрируют те же паттерны трансфертов, что и местное население [Vogel, Sommer, 2013]. В то же время в эстонском исследовании Т. Киило с соавторами [Kiillo, Kasearu, Kutsar, 2016] показано, что главным фактором, влияющим на межпоколенную солидарность как в семьях мигрантов, так и среди местного населения в Эстонии, является географическая близость: например, удаленность свыше 100 км от пожилых родителей у мигрантов первого поколения приводит к ослаблению солидарности. Таким образом, скорее всего, этнические различия в функциональной межпоколенной солидарности на постсоветском пространстве выражены слабее и во многом определяются степенью географической разделенности (прожива-

ние в разных странах может приводить к ослаблению связей или изменению направления трансфертов), а также, в случае транснациональных мигрантов, различиями в уровнях социальной поддержки старшего поколения между странами. Отметим, что в случае с Эстонией, как и с другими странами Балтии, мигрантами могут являться быть пожилые респонденты, в то время как их дети и внуки с большой вероятностью родились уже не в России. Преобладающая часть мигрантов советского периода приехали в Эстонию из России; однако даже в этом случае многие могли приехать в страну детьми и социализироваться на ее территории, что затрудняет разделение миграционных и этнических эффектов.

Важно и то, что в России отличные от русских этнические группы формируют или представители национальных республик, или (реже) других этнических меньшинств, или выходцы из стран ближнего зарубежья (с общим постсоветским прошлым), которые зачастую являются носителями заметно более традиционных ценностей семейной солидарности; русские в Эстонии — по сравнению с эстонцами — также носители менее индивидуалистических и более традиционно ориентированных ценностей [Фабрикант, Магун, 2018], однако различия, скорее всего, слабее. При этом несмотря на то, что взаимоотношения внутри расширенных семей внутренних и транснациональных мигрантов становятся предметом миграционных исследований (см., например, [Галиндабаева, 2015; Пешкова, 2016]), работы, посвященные сравнительному изучению межпоколенных отношений в разных этнических группах в России, отсутствуют. Вместе с тем сравнительные исследования других аспектов социально-демографического поведения на примере исламского населения России и постсоветского пространства выявили некоторые различия в рождаемости и порядке рождений у мигрантов из сельской местности в города Дагестана в зависимости от национальности [Kazenin, Kozlov 2021], а также различия в рождаемости и предпочтении пола будущего ребенка среди населения Кыргызстана, говорящего на кыргызском и узбекском языках [Kazenin 2021].

Поскольку в данной работе мы анализируем трансферты, идущие от и к пожилым людям, но не располагаем информацией ни об их миграционном статусе, ни об их географической разделенности с детьми или другими участниками частных межсемейных трансфертов, проведенный обзор исследований позволяет сформулировать следующие гипотезы: **(H1)** этническая принадлежность будет оказывать слабое, но значимое влияние на вероятность получения трансфертов старшим поколением. При этом представители отличных от главной этнических групп будут чаще получать денежные трансферты **(H1.1)**, тогда как эффект этнической принадлежности на получение инструментальных трансфертов заранее неизвестен, поскольку мы не располагаем информацией о месте проживания их детей **(H1.2)**. **(H2)** Этническая принадлежность будет оказывать значимое влияние на вероятность передачи трансфертов старшим поколением. Поэтому можно предположить, что **(H2.1)** эффект принадлежности к неосновной этнической группе на передачу финансовых трансфертов будет значимо положительным и более выраженным в России, чем в Эстонии; тогда как **(H2.2)** эффект на передачу инструментальных трансфертов может быть выражен в обеих странах слабее (по сравнению с финансовыми), поскольку в моделях не учитывается географическая близость.

Особое место в межпоколенных взаимоотношениях, по сравнению с финансовыми трансфертами и помощью по хозяйству, занимают отношения старшего поколения с внуками. Это проявление межпоколенной солидарности мало изучено теоретически [Aldous, 1995], особенно в рамках социологических концепций, но активно исследуется эмпирически. Уход за внуками характеризуется значительным гендерным перекосом в пользу бабушек [Attias-Donfut, Wolff, 2000; Pronzato, 2017]. Включенность в уход за внуками снижается с возрастом бабушек и дедушек [Guzman, 2004; Pronzato, 2017] и в случае наличия у них проблем со здоровьем [Fuller-Thomson, Minkler, 2001; Stelle et al., 2010; Pronzato, 2017]. По сравнению с незанятыми работающие бабушки и дедушки в целом чаще включены в уход за внуками [Attias-Donfut, Wolff 2000], но реже — в регулярный интенсивный уход, требующий больших затрат времени [Künemund, 2008; Pronzato, 2017]. Европейские страны заметно различаются по регулярности и интенсивности ухода за внуками [Geurts et al., 2015; Hagestad, 2006; Hank, Buber, 2009; Keck, Saraceno, 2008; Pronzato, 2017]. Ряд европейских исследований прародительства отмечает существование социокультурных паттернов в распространенности и интенсивности ухода за внуками [Jappens, Van Bavel, 2012; Becker, Steinbach, 2012; Glaser et al., 2013; Shwalb, Hossain, 2017; Timonen, 2018]; американские данные свидетельствуют о расовых различиях [Aldous, 1995]. Этнокультурные различия в семейных и межпоколенных ценностях могут влиять на более активное использование помощи прародителей в уходе за внуками даже в странах с относительно неплохой доступностью формальных услуг по уходу за детьми [Biegel, Wood, Neels, 2021]. Отдельные исследования в России выделяют феномен расширенного материнства, при котором в уход за детьми включены наряду с матерью (или вместе с ней) не только бабушки, но также и другие родственницы матери, характерный, например, для бурятов [Галиндабаева, 2015].

Таким образом, предполагая, что отличные от основной этнические группы в обеих странах являются носителями более традиционных ценностей, гипотезу **(H3)** можно сформулировать следующим образом: *при контроле структурных характеристик влияние этнической принадлежности пожилого человека, отличной от основной этнической группы, на включенность в уход за внуками, скорее всего, слабо положительно*. Невозможность контролировать близость проживания будет ослаблять силу этой связи.

Доходы играют важную роль в передаче как минимум финансовых трансфертов. В соответствии с экономической моделью альтруизма (Г. Беккер), родители будут увеличивать трансферты детям по мере роста собственного благосостояния [Becker, 1974]. Сделать однозначные предположения относительно характера взаимосвязи доходов и образования с участием в инструментальных трансфертах в рамках экономической теории невозможно. Более общее структурное объяснение, применяемое в социологических работах, состоит в том, что более высокие уровни образования и доходов формируют условия для поддержания семейной солидарности [Schans, Komter, 2010].

Систематический обзор эмпирических исследований межпоколенных трансфертов [Wong et al., 2020] показал, что пожилые люди с более высокими доходами реже получают трансферты (особенно финансовые) от детей, но чаще пере-

дают их. Более высокий уровень образования старшего и младшего поколений в целом способствует более тесной семейной солидарности, хотя результаты влияния уровня образования пожилого населения на получение инструментальных и финансовых трансфертов противоречивы. Наличие работы у пожилого человека увеличивает вероятность его финансовой помощи детям, а ее отсутствие — получение от детей. Плохое состояние здоровья увеличивает вероятность получения помощи от детей и уменьшает вероятность оказания помощи детям. Исследование по европейским странам, выполненное на данных SHARE, в целом показывает схожие результаты: более высокий уровень образования и доходов старшего поколения способствует их более активной помощи детям и внукам в форме финансовых трансфертов, инструментальных трансфертов и ухода за внуками, а низкие образование и доход увеличивают вероятность получения помощи от детей (по крайней мере, инструментальной) [Albertini, 2016]. Однако исследование, выполненное в Нидерландах, значимой положительной связи между социоэкономическими ресурсами и семейной солидарностью не выявило, что авторы работы связывают с развитым социальным государством в этой стране [Schans, Komter, 2010]. С точки зрения предмета данной статьи интерес представляют результаты американских исследований, согласно которым контроль на социоэкономические характеристики, включая образование и доход, может менять наблюдаемые в отсутствие такого контроля этнические и расовые паттерны межпоколенных обменов [Wong, Caroferro, Soldo, 1999] или ослаблять их, не приводя к исчезновению значимости этнокультурных различий [McKernan et al., 2014]. Тем не менее важно понимать, что в США афроамериканцы и латиноамериканцы относятся к расово-этническим группам с меньшими социоэкономическими ресурсами, чем белые американцы, тогда как сделать однозначный вывод о большей депривированности неосновных этнических групп в Эстонии или России нельзя. Это позволяет предположить, что **(H4)** включение переменных доходов и образования старшего поколения в модели может изменить этнические различия в получении и передаче трансфертов.

Данные и методология исследования

В представляемом исследовании были использованы данные первой российской и шестой европейской волн Европейского исследования здоровья, старения и траекторий жизни на пенсии (SHARE) — обследования, позволяющего проводить сравнительные обследования по проблемам лиц старшего возраста и оценивать разрыв в качестве жизни пожилого населения России и стран Европы. В России обследование проводилось осенью 2021 г., а в рамках упомянутой волны в Европе полевой этап закончился к ноябрю 2015 г. Несмотря на то что во время пандемии COVID-19 во многих европейских странах проводилась уже восьмая волна, наш выбор пал на более раннюю волну из-за наличия там более широкого круга вопросов по денежным трансфертам в семьях пожилых, которые, например, в случае с Эстонией не были так явно представлены в седьмой волне, а с восьмой волной SHARE в настоящий момент есть проблемы из-за ее незавершенности.

Поскольку исследование носит разведывательный характер и использует пространственные данные одной волны, в нем применялись методы описательной

статистики и логистический регрессионный анализ. В качестве бинарных зависимых переменных выступал факт передачи или получения (в этом случае переменная принимала значение «1») финансовых трансфертов, инструментальных трансфертов, а также оказание помощи в уходе за внуками. Зависимые переменные в обеих странах операционализировались на основе следующих вопросов:

1. Финансовые трансферты между членами семьи (как живущими отдельно, так и проживающими в одном и том же домохозяйстве): «За последние 12 месяцев Вы [или] Ваш партнер/ша оказывали финансовую помощь или дарили подарки на сумму от ... и выше членам семьи, живущим с Вами, или отдельно проживающим родственникам, друзьям, знакомым?» (ответ «да» учитывался как показатель переданных трансфертов), «За последние 12 месяцев, не считая совместных расходов на жилье и питание, Вы [или] Ваш (партнер) получали денежные или материальные подарки или поддержку на сумму от ... и выше от членов семьи, живущих с Вами, или отдельно проживающих родственников, друзей, знакомых?» (ответ «да» учитывался как показатель полученных трансфертов, принимал значение «1»).

2. Инструментальные трансферты с людьми, не живущими в домохозяйстве респондента: «За последние 12 месяцев оказывали ли Вы сами помощь в работе по дому, ведении хозяйства, по уходу за собой или в работе с документами людям, которые не живут с Вами, — друзьям, соседям, родственникам?» («да» — показатель переданных трансфертов) и «В течение последних 12 месяцев кто-нибудь еще из родственников, не живущих вместе с Вами, друзей или соседей оказывали какую-нибудь помощь из указанных на карточке — по уходу за собой, помощь по хозяйству, помощь с документами?» («да» — показатель полученных трансфертов).

3. Помощь в уходе за внуками: «В течение последних 12 месяцев приходилось ли Вам регулярно или время от времени присматривать за Вашими внуками в отсутствие их родителей?» («да» — показатель ухода⁵). В этой формулировке внуки также могут проживать как внутри, так и за пределами домохозяйства пожилого респондента. В анализе участвовали только респонденты, у которых были свои внуки или внуки партнера.

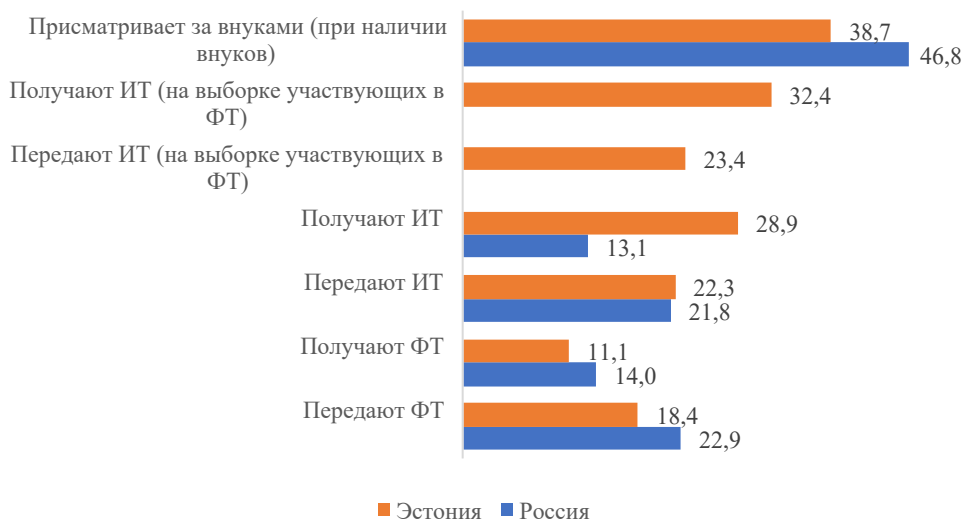
Важно заметить, что в Эстонии количество респондентов, которые ответили на вопрос о финансовых трансфертах, составляет примерно 70 % от численности респондентов, ответивших на вопрос об инструментальных трансфертах. Поэтому для дополнительной проверки на устойчивость результатов была рассмотрена — только для этой страны — подвыборка респондентов, ответивших на вопросы и о финансовых, и об инструментальных трансфертах.

Чтобы избежать возможного смещения результатов за счет пропущенных значений, все спецификации регрессионных моделей для отдельной зависимой переменной содержат одинаковое число респондентов. Этот подход сокращает число наблюдений, но оно не является критическим. В результате рабочая выборка исследования для финансовых трансфертов составила 2701 респондента 50 лет и старше в России и 3440 респондентов этого же возраста в Эстонии, для инструментальных трансфертов соответственно — 2714 и 5040, а для ухода за внуками — 1285 и 2631.

⁵ В российском обследовании НИСП есть также уточняющий вопрос о частоте выполнения обязанностей по уходу за внуками, однако в целях обеспечения максимальной сопоставимости сравнительного анализа было принято решение использовать бинарную переменную.

Анализ масштабов включенности в каждый из трех видов обменов (см. рис. 1) показывает, что в России пожилые люди чаще передают или получают финансовые трансферты, чем их сверстники в Эстонии. Кроме того, для обеих стран величина переданных финансовых трансфертов превышает величину финансовых трансфертов, полученных в рамках своего домохозяйства или при обмене с другими домохозяйствами. В то же время в Эстонии люди старшего возраста чаще получают инструментальные трансферты от лиц, живущих отдельно, чем передают их, а в России наоборот. В целом в Эстонии население в большей степени вовлечено в оборот инструментальных трансфертов, и масштабы этой включенности возрастают при ограничении выборки теми, кто ответил на вопросы о финансовых трансфертах. Напротив, присмотр за внуками среди респондентов, у которых они есть, в России распространен в большей степени.

Рис. 1. Доля респондентов 50 лет и старше, вовлеченных в различные виды трансфертов, %

Примечание: ФТ — финансовые трансферты, ИТ — инструментальные трансферты.

Ключевая для данного исследования объясняющая переменная — этническая принадлежность (национальность). В эстонском файле она определяется на основании языка заполнения анкеты — эстонского (1) или русского (0). На русском языке анкеты заполняли 22,05% опрошенных респондентов 50 лет и старше (см. Приложение 1⁶). Русскоязычные практически не проживают на селе, имеют значительно больше представителей со средним уровнем образования и более высокий субъективный доход (различия по этим переменным в группах с разными языками анкеты статистически значимы при проверке на хи-квадрат).

В России весь опрос проводился на русском языке, но анкета содержит вопросы о национальности и стране рождения. К русским в российском файле отнесены те, кто назвал свою национальность русской (1). Все прочие ситуации (в ряде

⁶ Приложения к статье см.: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/publicFile/submissionFileId?fileId=12528&hash=34d22e5c0c9c470001619b2a0f0a37fc>.

случаев указаны несколько национальностей и хотя бы одна из них не относится к русской) объединены в одну категорию «нерусские» (0). Стоит отметить, что число родившихся за пределами России в российском опроснике очень мало (менее 5 %, см. Приложение 1), а доля людей, указавших национальность, отличную от русской (или хотя бы вторую национальность как нерусскую) (около 14 %), меньше, чем по Всероссийским переписям населения (ВПН) 2002, 2010 и 2021 гг. (19 % из указавших свою национальность при неуклонном снижении числа указавших). Это можно объяснить тем, что опрос не проводился в основных национальных республиках.

Для выявления значимости этнокультурных различий в трансфертах сравниваются факторы участия в межпоколенных обменах по странам, в которых этническая принадлежность выступает одной из независимых переменных. В итоге уравнения для проверки гипотез о влиянии этнической принадлежности на передачу трансфертов и уход за внуками выглядят следующим образом:

$$y_i = \beta_1 * Ethnicity_1 (1) —$$

в виде простой парной регрессии,

$$y_i = \beta_1 * Ethnicity_1 + \beta_{2-m} * Control\ variables_{2-m} (2) —$$

с включением блока контрольных переменных.

Для проверки гипотезы **H4** используются уравнения, в которые включены этническая принадлежность, доход или образование, а также из всех контрольных переменных остается только возраст:

$$y_i = \beta_1 * Ethnicity_1 + \beta_2 * Education_2(or)Income_2 + \beta_3 * Age\ group_3$$

Образование и доход рассматриваются в отдельных уравнениях, поскольку из литературы известно, что они зачастую сильно коррелируют друг с другом. Вместе с тем в нашем исследовании как по России, так и по Эстонии коэффициент корреляции Спирмана (далее ρ) доходов и образования составил 0,18 ($p < 0,001$), что довольно низко.

Отчасти это может быть связано с тем, что в качестве переменной дохода в этом исследовании используется субъективная оценка его достаточности (категориальная переменная). Сравнение выборочных распределений показывает, что в Эстонии субъективные оценки достаточности дохода выше, чем в России (см. Приложение 1).

Градации уровней образования не в полной мере сопоставимы в двух странах, несмотря на лежащий в основе вопросов об образовании международный классификатор ISCED и общее советское образование у многих пожилых респондентов. Для преодоления этих различий исходные образовательные категории были агрегированы в три уровня: низкий (начальное профессиональное и ниже), средний (среднее профессиональное) и высокий (высшее профессиональное и выше). Сравнение выборочных распределений показало, что в России лица 50 лет и старше намного чаще имеют средний и чаще — высокий уровни образования (см. Приложение 1).

Помимо образования и дохода контрольные переменные включают, во-первых, блок из еще двух структурных характеристик, регулирующих структуру возможностей и ограничений: занятость и состояние здоровья (наличие хронических заболеваний).

Категории социального статуса респондента, измеряемого в работе через его положение на рынке труда и в пенсионной системе, в исходном файле несколько отличаются в России (где отдельно выделены работающие пенсионеры) и Эстонии (есть небольшая категория «прочих», куда включены, например, незанятые по болезни). В Эстонии занятых по ответам больше, чем в России, если не учитывать работающих пенсионеров; с учетом последних работающих лиц 50 лет и старше в России оказывается больше. Неработающих пенсионеров в России 54 %, а в Эстонии — 59 %. В регрессионном анализе исходные категории сохранены, но референтная категория (пенсионер, находящийся на пенсии) задана одинаково в обеих странах для простоты сопоставления эффектов.

Состояние здоровья операционализируется через наличие хронических заболеваний (есть/нет). В Эстонии доля людей с хроническими заболеваниями выше, что, вероятно, связано с тем, что респонденты старше, либо они лучше диагностированы.

Во-вторых, эффекты контролируются на блок социально-демографических показателей:

— возраст (перекодирован в категориальную переменную, включающую пятилетние возрастные группы для 50—69 лет, 10-летнюю для 70—79 лет и общую группу лиц 80 лет и старше). Сравнение выборочных распределений показывает, что возраст респондентов в российской выборке обследования ниже, чем в эстонской (как для русскоязычных, так и для эстоноязычных);

— пол (референтная группа — мужской); в Эстонии численность мужчин несколько выше;

— тип поселения (референтная — проживание в сельской местности); в Эстонии доля сельских жителей выше;

— количество внуков у респондентов и возраст старшего из них (в российском файле). В Эстонии в среднем внуков больше, чем в России, независимо от языка анкеты. Кроме того, у эстонцев в Эстонии как среднее число внуков, так и дисперсия показателя выше, что соответствует моделям рождаемости, различным у коренного и русскоговорящего населения [Puur et al., 2017].

Среди контрольных переменных стоит отметить высокую корреляцию возраста и социального статуса респондента: $\rho = 0,69$ ($p < 0,001$) в России и $0,74$ ($p < 0,001$) в Эстонии. Это ожидаемо, но значению данного показателя и его значимости (результаты приведены в Приложениях) не стоит придавать большого значения, а выполнению поставленных в работе задач данный факт не мешает. Отметим, что в каждом уравнении (кроме парной регрессии) мы рассчитываем показатели VIF и CN (conditional number) — число обусловленности. При показателе VIF $< 2,5$ и CN < 15 считаем, что мультиколлинеарность отсутствует.

Результаты оценивания представлены в виде предельных эффектов⁷ (в таблицах в тексте работы) и в виде отношений шансов (в таблицах, вынесенных в Приложение 2—5).

⁷ Рассматриваются как средние предсказанные вероятности.

Результаты анализа

Общая характеристика факторов межсемейных обменов в двух странах

Результаты анализа факторов участия в межсемейных обменах пожилыми людьми в России и Эстонии, представленные в Приложениях 2—5, свидетельствуют о достаточно высокой схожести наблюдаемых паттернов межсемейных обменов. Отметим, что в модели со всеми включенными контрольными переменными значение CN (см. табл. 1—4) для всех трансфертов в Эстонии и для переданных финансовых трансфертов в России дает основание подозревать наличие мультиколлинеарности, следовательно, анализ коэффициентов перед контрольными переменными следует проводить с осторожностью.

В обеих странах чаще передают финансовые трансферты работающие пожилые люди (в России это особенно распространено среди работающих пенсионеров, имеющих два стабильных источника доходов), средне или высоко оценивающие достаточность своих доходов. В Эстонии, в отличие от России, значимым оказывается также эффект образования, что, возможно, отражает лучшую связь между уровнями образования и доходов в этой стране. Аналогичные эффекты наблюдаются для передачи инструментальных трансфертов, но здесь уже эффекты субъективно оцениваемого дохода становятся меньше, хотя и сохраняют значимость, но появляется значимо положительная связь с образованием. Эти результаты в целом подтверждают исследования по другим странам и теоретические предположения о том, что большие социально-экономические ресурсы способствуют укреплению семейной солидарности.

В обеих странах инструментальные трансферты предсказуемо чаще получают люди с ослабленным здоровьем и сельские жители, а также пожилые люди 80 лет и старше; но в России коэффициенты эффектов возраста и хронических заболеваний выше, что, возможно, отражает меньшую доступность услуг постороннего профессионального ухода для людей с дефицитами в самообслуживании. При этом в обеих странах пожилые люди с высоким уровнем образования значимо реже получают инструментальную помощь от других, но в Эстонии им чаще помогают финансово. Мужчины значимо чаще передают и финансовые, и — неожиданно — инструментальные трансферты в России; значимо реже получают финансовую помощь в обеих странах и помощь по хозяйству или в уходе в Эстонии. В России по не вполне понятным причинам наличие хронических заболеваний является значимым фактором участия во всех обменах, включая передачу и финансовых, и инструментальных трансфертов. Кроме того, в России, по сравнению с неработающими пенсионерами, чаще получают финансовую помощь работающие непенсионеры, что, возможно, указывает на низкий уровень оплаты труда попавших в эту категорию респондентов. В обеих странах неожиданно более высокие уровни субъективно оцениваемой достаточности доходов положительно связаны с получением трансфертов, что, конечно, может говорить о большей семейной солидарности в более обеспеченных слоях, но, скорее всего, свидетельствует о том, что получаемая помощь — денежная и услугами — включается в субъективную оценку доходов.

В уходе за внуками в обеих странах мы видим описанные ранее возрастнополовые различия, которые сильнее проявляются в Эстонии, где включенность

в уход значимо сокращается уже с 65 лет, тогда как в России — только с 80 лет. В обеих странах бабушки и дедушки чаще ухаживают за внуками при увеличении числа внуков, сохраняется также однозначно положительная связь с уровнем образования (более устойчивая в Эстонии, чем в России). В Эстонии шансов помогать внукам больше у работающих и выше оценивающих свои доходы пожилых, что согласуется с рассмотренными нами исследованиями, но в России исчезает значимая и легко интерпретируемая связь с социальным статусом и субъективным доходом. При этом из-за включения в модель одновременно переменных образования и дохода получается относительно высокий показатель VIF в России и CN в Эстонии, таким образом для Эстонии интерпретация коэффициентов при контрольных переменных должна проводиться с учетом данного ограничения.

Этнические различия в участии в межсемейных обменах

Анализ как парных (без контроля на другие характеристики), так и множественных (с контролем на различные комбинации характеристик) регрессий по России (см. табл. 1 и 2 и Приложения 2 и 3) показывает, что русские пожилые включены в межсемейные обмены несколько меньше, чем их сверстники других этнических групп, однако во многих спецификациях эти различия статистически незначимы. В финансовых обменах этнические различия выражены чуть сильнее и чаще значимы, чем в инструментальных.

В бинарных моделях обмена финансовыми ресурсами этническая принадлежность значима на уровне 10% для получения финансов старшим поколением, но не значима для их передачи (см. табл. 1). При учете различий в социальном статусе, доходах и образовании респондента этнические различия становятся значимыми на уровне 5—20%, показывая, что русские в меньшей степени включены в финансовые обмены.

Таблица 1. Участие в финансовых трансфертах, Россия (предельные эффекты) в зависимости от этнической принадлежности

	Переданные трансферты				Полученные трансферты			
	1	2	3	4	1	2	3	4
Этнический статус: русский (реф. — не русский)	-0,038	-0,042*	-0,051**	-0,038*	-0,035*	-0,043**	-0,043**	-0,040**
	(0,022)	(0,022)	(0,022)	(0,022)	(0,018)	(0,019)	(0,019)	(0,019)
Контрольные переменные	Нет	Все	Возраст + доход	Возраст + образование	Нет	Все	Возраст + доход	Возраст + образование
VIF		1,29	1	1,01		1,32	1	1,01
CN		17,55	10,31	13,34		10,35	10,33	13,32

Примечание: здесь и далее (в том числе в Приложениях) статистическая значимость отражается: *** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

Этнические различия в обменах инструментальными трансфертами (см. табл. 2 и Приложение 3) выражены слабее, что может быть следствием недоучета в данных расстояния между различными поколениями расширенной семьи. В получении трансфертов значимых различий между этническими группами нет ни в одной спецификации модели, а вот в передаче трансфертов этнически русские респонденты участвуют в меньшей степени. Отметим, что в модели с контрольными переменными значимость теряется, но в случае с включением переменной образования этническая переменная значима на 5-процентном уровне. Этнические различия при включении в модель субъективного дохода сохраняются, но, как и в случае с парной регрессией, значимы только на 10-процентном уровне.

Таблица 2. Участие в инструментальных трансфертах, Россия (предельные эффекты) в зависимости от этнической принадлежности

	Переданные трансферты				Полученные трансферты			
	1	2	3	4	1	2	3	4
Этнический статус: русский (реф.— не русский)	-0,042*	-0,029	-0,043*	-0,044**	-0,003	0,011	-0,001	-0,0005
	(0,022)	(0,023)	(0,022)	(0,022)	(0,019)	(0,019)	(0,019)	(0,019)
Контрольные переменные	Нет	Все	Возраст + доход	Возраст + образо- вание	Нет	Все	Возраст + доход	Возраст + образо- вание
VIF		1,32	1	1,01		1,32	1	1,01
CN		10,35	10,32	13,34		10,35	10,33	13,32

По Эстонии как в парной регрессии, так и при включении в модель контрольных переменных явных этнических различий в обмене финансовыми ресурсами не видно, за исключением меньшей (значимость на 10% уровне) вовлеченности пожилых эстонцев в их получение (см. табл. 3 и Приложение 4). Однако при одновременном включении в одну из моделей показателя дохода и языка анкеты значимой становится меньшая вероятность финансовых трансфертов, как полученных, так и переданных среди эстоноязычных. При включении переменной образования этнические различия становятся значимыми на 10-процентном уровне для переданных трансфертов.

При оценке детерминант инструментальных трансфертов в Эстонии (см. табл. 4 и Приложение 5) этнические различия проявляются только при включении контрольных переменных для полученных трансфертов, которые в меньшей степени распространены среди эстоноязычного населения. Включение в модель дохода, значимого для участия в обменах, не меняет эффекты этнической принадлежности, которые остаются незначимыми. Напротив, включение в модель образования никак не меняет эффекты этнической принадлежности для полученных инструментальных трансфертов, остающиеся незначимыми, но для переданных трансфертов с 10-процентным уровнем значимости можно говорить о том, что эстоноязычное пожилое население включено в них несколько активнее.

Таблица 3. Участие в финансовых трансфертах, Эстония (предельные эффекты) в зависимости от этнической принадлежности

	Переданные трансферты				Полученные трансферты			
	1	2	3	4	1	2	3	4
Этнический статус: эстонский язык (реф.— русский)	-0,010	0,011	-0,054***	-0,013*	-0,020*	-0,010	-0,031**	-0,020
	(0,016)	(0,016)	(0,016)	(0,016)	(0,012)	(0,013)	(0,013)	(0,012)
Контрольные переменные	Нет	Все	Возраст + доход	Возраст + образование	Нет	Все	Возраст + доход	Возраст + образование
VIF		1,31	1,03	1,07		1,31	1	1,07
CN		17,09	9,81	12,06		17,09	10,33	12,06

Таблица 4. Участие в инструментальных трансфертах, Эстония (предельные эффекты) в зависимости от этнической принадлежности

	Переданные трансферты				Полученные трансферты			
	1	2	3	4	1	2	3	4
Этнический статус: эстонский язык (реф.— русский)	-0,002	0,009	-0,008	0,004*	-0,013	-0,036**	-0,005	-0,020
	(0,014)	(0,015)	(0,014)	(0,016)	(0,016)	(0,016)	(0,016)	(0,012)
Контрольные переменные	Нет	Все	Возраст+ Доход	Возраст+ Образование	Нет	Все	Возраст+ Доход	Возраст+ Образование
VIF		1,31	1,03	1,07		1,31	1	1,07
CN		17,09	9,81	12,06		17,09	10,33	12,06

Результаты проведенного моделирования не выявили значимых этнических различий в присмотре за внуками ни в одной спецификации модели ни в России, ни в Эстонии (см. табл. 5).

Таблица 5. Основные детерминанты ухода респондента за внуками в Эстонии и России (предельные эффекты) в зависимости от этнической принадлежности

	Россия			Эстония	
	1	2	3	1	2
Этнический статус: русский (реф.— не русский) или эстонец	-0,030	-0,020	-0,005	-0,008	-0,018
	(0,04)	(0,038)	(0,037)	(0,023)	(0,022)
Контрольные переменные	Нет	Все	Все+ Старший внук старше 16	Нет	Все
VIF		1,32	1,3		1,27
CN		10,34	22,5		25,7

Обсуждение результатов и заключение

Результаты проведенного исследования выявили слабое и неустойчивое влияние этнической принадлежности на включенность людей старшего возраста в межсемейные обмены. За исключением лишь одной спецификации (модель передачи инструментальных трансфертов с включением возраста и образования в Эстонии) везде, как мы и предполагали, представители основной этнической группы (русские в России и эстоноязычные в Эстонии) реже, чем другие этнические группы, передают или получают трансферты, однако не везде различия статистически значимы.

В отношении финансовых трансфертов в Эстонии не наблюдается особенных различий между русскими и эстонцами. Однако, если проконтролировать модель на субъективный доход (выше у эстоноязычных), будет наблюдаться падение вероятности участия эстонцев в полученных и переданных трансфертах (при этом 5-процентный уровень значимости наблюдается только для переданных). Аналогичная ситуация у русских и этнических групп, отличных от русских, в России: при наличии контрольных переменных представители национальных меньшинств демонстрируют большую вероятность участия в получении и передаче финансовых трансфертов, однако различия сильнее, чем в Эстонии, особенно для получаемых ресурсов. Таким образом, наши результаты подтверждают гипотезы **H1.1** и **H2.1**, но не в полной мере, так как выявленные различия достаточно слабые: меньше, чем мы ожидали, исходя из анализа литературы.

Вместе с тем подтверждаются гипотезы **H1.2** и **H2.2** относительно отсутствия значимых различий между представителями различных этнических групп в России и в Эстонии в отношении инструментальных трансфертов. Этнические эффекты для участия в обмене услугами действительно слабее, чем в обмене финансами, что, вполне вероятно, может быть следствием недоучета всей требуемой информации в моделях и особенно — отсутствия контроля на расстояние проживания пожилых родителей от их взрослых детей и внуков. Также подтвердилось наше предположение, что этнические различия в Эстонии будут выражены слабее, чем в России, причем при контроле на уровень образования выясняется, что пожилые эстонцы значимо чаще помогают членам расширенной семьи услугами по хозяйству или уходу.

Не находит своего подтверждения гипотеза **H3** о влиянии этнической принадлежности на вероятность ухода за внуками. Это может быть следствием недоучета расстояния проживания бабушек, дедушек и внуков, но нельзя исключать и то, что проживающие в рассматриваемых странах этнические группы имеют близкие нормы в отношении ухода за внуками.

Что касается гипотезы **H4**, то во многих случаях именно контроль переменных дохода и образования позволял выявить в модели значимые этнические различия. Это отличает полученные нами результаты от аналогичных по США и может свидетельствовать о том, что структурные различия в обеих странах не имеют четко выраженного этнического градиента и скорее смягчают этнические различия в межпоколенных отношениях.

Следует заметить, что в моделях получились интересные эффекты различных социально-демографических характеристик респондента на факты получения и пере-

дачи трансфертов пожилыми людьми, а также их участия в уходе за внуками, коротко описанные нами выше. Отчасти они подтверждают результаты ранее проведенных исследований, но этот аспект межсемейных обменов остается за пределами предмета изучения данной статьи, хотя и требует дальнейшего изучения.

Стоит отметить, что к полученным результатам надо относиться с определенной осторожностью, так как в моделях присутствовали ограничения, часть из которых мы не в состоянии преодолеть. Дизайн вопроса в SHARE не позволяет однозначно разделить трансферты, полученные и переданные внутри домохозяйства и в другие домохозяйства, особенно в части финансовых обменов. Некоторые предположения можно сделать, если провести работу по выделению родства участвующих в обменах людей, информация о которых имеется в анкете, но на этом этапе анализа не была использована. Однако даже в этом случае не всегда удастся четко сказать, проживает ли второй участник обмена вместе или отдельно с пожилым респондентом. Кроме того, дизайн обследования не содержит информации о характеристиках домохозяйств родственников респондентов, с которыми они непосредственно взаимодействуют.

Этническая принадлежность определяется по-разному в двух странах: в Эстонии критерием разделения выступает язык анкеты, тогда как вопроса об этнической группе — нет, а в России — национальность по самоопределению, тогда как язык всего опроса — русский. В России в выборку отличающихся от русских этнических групп были объединены народы, различающиеся нормами в отношении расширенной семьи, межпоколенных и гендерных отношений; недостаточное число наблюдений не позволяет рассматривать их отдельно, притом что часть эффектов при объединении смазывается.

Часть обозначенных ограничений непреодолима, другую можно попробовать компенсировать, глубже изучив степень родства с участниками обменов и, возможно, сузив спектр рассматриваемых межсемейных обменов, хотя это и приведет к сокращению числа наблюдений. В дальнейшем мы планируем также лучше разобраться с вопросами влияния различных структурных характеристик на участие в обменах, применив другие подходы к операционализации доходов и здоровья, а также рассмотреть вопросы не только функциональных, но и эмоциональных трансфертов.

Список литературы (References)

Галиндабаева В. В. Идеология расширенного материнства: забота о детях сельских мигранток в Бурятии // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 1. С. 7—20. <https://jsps.hse.ru/index.php/jsps/article/view/3344> (дата обращения: 28.02.2023).

Galindabaeva V. V. (2015) The Ideology of Extended Motherhood: How Migrant Mothers Care for Their Children in Rural Buryatia. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 13. No. 1. P. 7—20. <https://jsps.hse.ru/article/view/3344> (accessed: 28.02.2023). (In Russ.)

Гладникова Е. В. Межпоколенные трансферты: направление, участники и факторы, их определяющие // Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры (SPERO). 2007. № 7.

Gladnilova E. V. (2007) Intergenerational Transfers: Direction, Participants and Their Determinants. *Social Policy: Expertise, Recommendations, Reviews (SPERO)*. No. 7. (In Russ.)

Гладникова Е. В. Обзор подходов к исследованию частных межпоколенных трансфертов // Экономическая Социология. Т. 10. № 5. С. 93—110. https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204982/ecsoc_t10_n5.pdf#page=93 (дата обращения: 18.12.2022).

Gladnilova E. V. (2009) A Review of Research Approaches to Private Intergenerational Transfers. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 10. No. 5. P. 93—110. https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204982/ecsoc_t10_n5.pdf#page=93 (accessed: 18.12.2022). (In Russ.)

Миронова А. А. Родственная межпоколенная солидарность в России // Социологические исследования. 2014. Т. 10. С. 136—142. https://www.socis.isras.ru/files/File/2014/2014_10/136-142_Mironova.pdf (дата обращения: 18.12.2022).

Mironova A. A. (2014) Intergenerational Solidarity of Relatives in Russia. *Sociological Studies*. No. 10. P. 136—142. https://www.socis.isras.ru/files/File/2014/2014_10/136-142_Mironova.pdf (accessed: 18.12.2022). (In Russ.)

Пешкова В. М. Транснациональные особенности семейной экономики трудовых мигрантов из Средней Азии в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 1. С. 240—255. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.1.10>.

Peshkova V. M. (2016) Transnational Aspects of the Household Economics of Labor Migrants from Central Asia in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 240—255. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.1.10>. (In Russ.)

Прокофьева Л. М., Миронова А. А. Роль межсемейного обмена в системе материальной поддержки и ухода за пожилыми в современной России // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2. № 3. С. 69—86. <https://doi.org/10.17323/demreview.v2i3.1775>.

Prokofieva L. M., Mironova A. A. (2015) The Role of Interfamily Exchange in the System of Material Support and Care for the Elderly in Modern Russia. *Demographic Review*. Vol. 2. No. 3. P. 69—86. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/demreview.v2i3.1775>.

Фабрикант М. С., Магун В. С. Нормативные взгляды на семью и гендер: русскоязычные жители Латвии и Эстонии в сравнительной перспективе (по материалам опросов 2008 года) // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5. № 3. С. 81—102. <https://doi.org/10.17323/demreview.v5i3.8136>.

Fabrykant M. S., Magun V. S. Normative Attitudes to Family and Gender: Russian-Speakers in Latvia and Estonia in a Comparative Perspective (Based on the 2018 Surveys). *Demographic Review*. Vol. 5. No. 3. P. 81—102. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/demreview.v5i3.8136>.

Albertini M. (2016) Ageing and Family Solidarity in Europe: Patterns and Driving Factors of Intergenerational Support. *World Bank Policy Research Working Paper* (7678). P. 1—42. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/>

[10986/24516/Ageing0and0fam0generational0support.pdf?sequence=1](#) (accessed: 28.12.2022).

Albertini M., Mantovani D., Gasperoni G. (2019) Intergenerational Relations Among Immigrants in Europe: The Role of Ethnic Differences, Migration and Acculturation. *Journal of Ethnic and Migration Studies* Vol. 45. No. 10. P. 1693—1706. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2018.1485202>.

Aldous J. (1995) New Views of Grandparents in Intergenerational Context. *Journal of Family Issues*. Vol. 16. No. 1. P. 104—122. <https://doi.org/10.1177/019251395016001006>.

Arrondel L., Masson A. (2001) Family Transfers Involving Three Generations. *Scandinavian Journal of Economics*. Vol. 103. No. 3. P. 415—443. <https://doi.org/10.1111/1467-9442.00253>.

Arrondel L., Masson A. (2006) Altruism, Exchange or Indirect Reciprocity: What Do the Data on Family Transfers Show? In: Kolm S. C., Ythier J. M. (eds.) *Handbook of the Economics of Giving, Altruism and Reciprocity*. Vol. 2. North-Holland: Elsevier. P. 971—1053. [https://doi.org/10.1016/S1574-0714\(06\)02014-8](https://doi.org/10.1016/S1574-0714(06)02014-8).

Attias-Donfut C., Wolff F. C. (2000) Complementarity Between Private and Public Transfers. In: Arber S., Attias-Donfut C. (eds.) *The Myth of Generational Conflict: The Family and State in Ageing*. London: Routledge. P. 47—68. <https://doi.org/10.4324/9780203020784>.

Attias-Donfut C., Ogg J., Wolff F. C. (2005) European Patterns of Intergenerational Financial and Time Transfers. *European Journal of Ageing*. Vol. 2. No. 3. P. 161—173. <https://doi.org/10.1007/s10433-005-0008-7>.

Baykara-Krumme H., Fokkema T. (2019) The Impact of Migration on Intergenerational Solidarity Types. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 45. No. 10. P. 1707—1727. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2018.1485203>.

Becker G. S. (1974) A Theory of Social Interactions. *Journal of Political Economy*. Vol. 82. No. 6. P. 1063—1094. <https://doi.org/10.1086/260265>.

Becker O. A., Steinbach A. (2012) Relations between Grandparents and Grandchildren in the Context of the Family System. *Comparative Population Studies*. Vol. 37. No. 3—4. P. 543—467. <https://doi.org/10.12765/CPoS-2012-06>.

Bengtson V. L., Roberts R. E. (1991) Intergenerational Solidarity in Aging Families: An Example of Formal Theory Construction. *Journal of Marriage and the Family*. Vol. 53. No. 4. P. 856—870. <https://doi.org/10.2307/352993>.

Bengtson V., Giarrusso R., Mabry J. B., Silverstein M. (2002). Solidarity, Conflict, and Ambivalence: Complementary or Competing Perspectives on Intergenerational Relationships? *Journal of Marriage and Family*. Vol. 64. No. 3. P. 568—576. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2002.00568.x>

Berry B. (2006) What Accounts for Race and Ethnic Differences in Parental Financial Transfers to Adult Children in the United States? *Journal of Family Issues*. Vol. 27. No. 11. P. 1583—1604. <https://doi.org/10.1177/0192513X06291498>.

- Biegel N., Wood J., Neels K. (2021) Migrant-Native Differentials in the Uptake of (In) Formal Childcare in Belgium: The Role of Mothers' Employment Opportunities and Care Availability. *Journal of Family Research*. Vol. 33. No. 2. P. 467—508. <https://doi.org/10.20377/jfr-463>.
- Cox D., Raines F. (1985) Interfamily Transfers and Income Redistribution. In: David M., Smeeding T. (eds.) *Horizontal Equity, Uncertainty, and Economic Well-Being*. Chicago, IL: University of Chicago Press. P. 393—426. <https://www.nber.org/system/files/chapters/c6157/c6157.pdf> (accessed: 18.12.2022).
- Gierveld J., Dykstra P.A., Schenk N. (2012). Living Arrangements, Intergenerational Support Types and Older Adult Loneliness in Eastern and Western Europe. *Demographic Research*. Vol. 27. P. 167—200. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2012.27.7>.
- Fuller-Thomson E., Minkler M. (2001) American Grandparents Providing Extensive Child Care to Their Grandchildren: Prevalence and Profile. *The Gerontologist*. Vol. 41. No. 2. P. 201—209. <https://doi.org/10.1093/geront/41.2.201>.
- Geurts T., Van Tilburg T., Poortman A. R., Dykstra P. A (2015) Child Care by Grandparents: Changes Between 1992 and 2006. *Ageing & Society*. Vol. 35. No. 6. P. 1318—1334. <https://doi.org/10.1017/S0144686X14000270>.
- Glaser K., Price D., Di Gessa G., Ribe E., Stuchbury R., Tinker A. (2013) Grandparenting in Europe: Family Policy and Grandparents' Role in Providing Childcare. London: Grandparents plus.
- Giarrusso, R., Silverstein M., Gans D., Bengtson Vern L. (2005) Ageing Parents and Adult Children: New Perspectives on Intergenerational Relationships. In: Johnson M. L., Bengtson V. L., Coleman P. G., Kirkwood T. B. L. (eds.) *Cambridge Handbook of Age and Ageing*. London: Cambridge University Press. P. 413—421. <https://doi.org/10.1017/CB09780511610714.043>.
- Guzman L. (2004) Grandma and Grandpa Taking Care of the Kids: Patterns of Involvement. Child Trends Research Brief. *Child Trends*. P. 1—8. URL: <https://www.childtrends.org/publications/grandma-and-grandpa-taking-care-of-the-kids-patterns-of-involvement> (accessed: 10.12.2022).
- Hagestad G. O. (2006) Transfers Between Grandparents and Grandchildren: The Importance of Taking a Three-Generation Perspective. *ZfF—Zeitschrift für Familienforschung/ Journal of Family Research*. Vol. 18. No. 3. P. 315—332. <https://doi.org/10.20377/jfr-298>.
- Hammarström G. (2005) The Construct of Intergenerational Solidarity in a Lineage Perspective: A Discussion on Underlying Theoretical Assumptions. *Journal of Aging Studies*. Vol. 19. No. 1. P. 33—51. <https://doi.org/10.1016/j.jaging.2004.03.009>
- Hank K., Buber I. (2009) Grandparents Caring for Their Grandchildren: Findings from the 2004 Survey of Health, Ageing, and Retirement in Europe. *Journal of Family Issues*. Vol. 30. No. 1. P. 53—73. <https://doi.org/10.1177/0192513X08322627>.
- Isengard B., König R., Szydlik M. (2018) Money or Space? Intergenerational Transfers in a Comparative Perspective. *Housing Studies*. Vol. 33. No. 2. P. 178—200. <https://doi.org/10.1080/02673037.2017.1365823>.

- Jappens M., Van Bavel J. (2012) Regional Family Norms and Childcare by Grandparents in Europe. *Demographic Research*. Vol. 27. No. 4. P. 85—120. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2012.27.4>.
- Karpinska K., Dykstra P.A. (2019) Intergenerational Ties Across Borders: A Typology of the Relationships Between Polish Migrants in the Netherlands and Their Ageing Parents. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 45. No. 10. P. 1728—1745. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2018.1485204>.
- Kazenin K. (2021). Son Preference, Gender Asymmetries and Parity Progressions: The Case of Kyrgyzstan. *Asian Population Studies*. Vol. 19. No. 1. P. 5—21. <https://doi.org/10.1080/17441730.2021.1992858>.
- Kazenin K., Kozlov V. (2021). Ethnicity and Fertility of Descendants of Rural-To-Urban Migrants: The Case of of Daghestan (North Caucasus). *Journal of International Migration and Integration*. Vol. 24. P. 69—93. <https://doi.org/10.1007/s12134-021-00848-8>.
- Keck W., Saraceno C. (2008) Grandchildhood in Germany and Italy: An Exploration. In: Leira A., Saraceno C. (eds.) *Childhood: Changing Contexts (Comparative Social Research)*. Vol. 25. Bingley: Emerald. P. 133—163. [https://doi.org/10.1016/S0195-6310\(07\)00005-1](https://doi.org/10.1016/S0195-6310(07)00005-1).
- Kiilo T., Kasearu K., Kutsar D. (2016) Intergenerational Family Solidarity: Study of Older Migrants in Estonia. *GeroPsych: The Journal of Gerontopsychology and Geriatric Psychiatry*. Vol. 29. No. 2. P. 71—80. <https://doi.org/10.1024/1662-9647/a000144>.
- Kohli M., Kunemund H. (2003) Intergenerational Transfers in the Family: What Motivates Giving? In: Bengtson V. L., Lowenstein A. (eds.) *Global Aging and Challenges to Families*. New York: Aldine De Gruyter. P. 123—142. URL: <https://www.eui.eu/documents/departmentscentres/sps/profiles/kohli/motivesforgiving.pdf> (accessed: 20.12.2022).
- Kotlikoff L. J., Summers, L. H. (1981) The Role of Intergenerational Transfers in Aggregate Capital Accumulation. *Journal of Political Economy*. Vol. 89. No. 4. P. 706—732. <https://doi.org/10.1086/260999>.
- Kotlikoff L. J. (1988) Intergenerational Transfers and Savings. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 2. No. 2. P. 41—58. <https://doi.org/10.1257/jep.2.2.41>.
- Künemund H. (2008) Intergenerational Relations Within the Family and the State. In: Saraceno C. (ed.) *Families, Ageing and Social Policy*. Cheltenham: Edward Elgar. P. 105—122.
- Lampman R. J., Smeeding T. M. (1983) Interfamily Transfers as Alternatives to Government Transfers to Persons. *Review of Income and Wealth*. Vol. 29. No. 1. P. 45—66. <https://doi.org/10.1111/j.1475-4991.1983.tb00631.x>.
- Lee Y.-J., Aytac I. A. (1998) Intergenerational Financial Support Among Whites, African Americans, and Latinos. *Journal of Marriage and the Family*. Vol. 60. No. 2. P. 426—441. <https://doi.org/10.2307/353859>.

Litwin H. (2004) Intergenerational Exchange Patterns and Their Correlates in an Aging Israeli Cohort. *Research on Aging*. Vol. 26. No. 2. P. 202—223. <https://doi.org/10.1177/01640275032606>.

Lüscher K., Pillemer K. (1998) Intergenerational Ambivalence: A New Approach to the Study of Parent-Child Relations in Later Life. *Journal of Marriage and the Family*. Vol. 60. No. 2. P. 413—425. <https://doi.org/10.2307/353858>.

McKernan S.-M., Ratcliffe C., Simms M., Zhang S. (2014) Do Racial Disparities in Private Transfers Help Explain the Racial Wealth Gap? New Evidence from Longitudinal Data. *Demography*. Vol. 51. No. 3. P. 949—974. <https://doi.org/10.1007/s13524-014-0296-7>.

Pollak R. A. (2003) Gary Becker's Contributions to Family and Household Economics. *Review of Economics of the Household*. Vol. 1. P. 111—141. <https://doi.org/10.1023/A:1021803615737>.

Pronzato C. (2017) Fertility Decisions and Alternative Types of Childcare. *IZA World of Labor*. No. 382. <https://doi.org/10.15185/izawol.382>.

Puur A., Rahnu L., Abuladze L., Sakkeus L., Zakharov S. (2017) Childbearing Among First-and Second-Generation Russians in Estonia Against the Background of the Sending and Host Countries. *Demographic Research*. Vol. 36. P. 1209—1254. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2017.36.41>.

Schans D., Komter A. (2010) Ethnic Differences in Intergenerational Solidarity in the Netherlands. *Journal of Aging Studies*. Vol. 24. No. 3. P. 194—203. <https://doi.org/10.1016/j.jaging.2008.10.007>.

Shwalb D. W., Hossain Z. (eds.) (2017) Grandparents in Cultural Context. New York, NY: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315642284>.

Stelle C., Fruhauf C. A., Orel N., Landry-Meyer L (2010) Grandparenting in the 21st Century: Issues of Diversity in Grandparent–Grandchild Relationships. *Journal of Gerontological Social Work*. Vol. 53. No. 8. P. 682—701. <https://doi.org/10.1080/01634372.2010.516804>.

Timonen V. (ed.) (2018) Grandparenting Practices Around the World: Reshaping Family. Bristol University Press, Policy Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv7h0tzm>.

Silverstein M., Bengtson V. L. (1997) Intergenerational Solidarity and the Structure of Adult Child-Parent Relationships in American Families. *American Journal of Sociology*. Vol. 103. No. 2. P. 429—60. <https://doi.org/10.1086/231213>.

Vogel C., Sommer E. (2013) Financial Transfers Between Adult Children and Parents in Migrant Families from the Former Soviet Union. *Journal of Comparative Family Studies*. Vol. 44. No. 6. P. 783—796. <https://doi.org/10.3138/jcfs.44.6.783>.

Wolff F., Spilerman S., Attias-Donfut C. (2007) Transfers from Migrants to Their Children: Evidence That Altruism and Cultural Factors Matter. *Review of Income and Wealth*. Vol. 53. No. 4. P. 619—644. <https://doi.org/10.1111/j.1475-4991.2007.00248.x>.

Wong R., Capoferro C., Soldo B. J. (1999) Financial Assistance from Middle-Aged Couples to Parents and Children: Racial-Ethnic Differences. *The Journals of Gerontology. Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. Vol. 54. No. 3. P. S145—S153. <https://doi.org/10.1093/geronb/54b.3.s145>.

Wong R., Kitayama K. E., Soldo B. J. (1999) Ethnic Differences in Time Transfers from Adult Children to Elderly Parents: Unobserved Heterogeneity Across Families? *Research on Aging*. Vol. 21. No. 2. P. 144—175. <https://doi.org/10.1177/0164027599212002>.

Wong E. L. Y., Liao J. M., Etherton-Ber C., Baldassar L., Cheung G., Dale C. M., Flo E., Husebø B. S., Lay-Yee R., Millard A., Peri K. A., Thokala P., Wong C. H., Chau P. Y., Chan C. Y., Chung R. Y. Yeoh E. K. (2020) Scoping Review: Intergenerational Resource Transfer and Possible Enabling Factors. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 17. No. 21. Art. 7868. <https://doi.org/10.3390/ijerph17217868>.